

НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА ПУШКАРЕВА

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7918-5420; pushkarevanata@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ В ТЕКСТЕ «УСТАВА МОРСКОГО» 1720 ГОДА

Аннотация. На материале текста нового для Петровской эпохи жанра рассматриваются языковые средства, выражающие императивность в регламентирующих документах. Выявляются особенности императивной ситуации, в которой применялся «Устав Морской», с учетом исторической реальности России XVIII века определяются его адресат и адресант. Адресатом текста являлся весь морской персонал, адресант не может быть определен однозначно, так как в этой роли выступали и Российское государство, выстраиваемое по европейскому образцу, и абсолютный монарх Петр I. В связи с этим в документе выявляются особые прагматические цели: регламентирование действий адресата и обучение его в рамках этого регламента. Репертуар языковых единиц, передающих в ис следуемом тексте предписания и запреты, содержит разностилевые единицы. Императивность выражается инфинитивными формами, формой будущего времени со вспомогательным глаголом *иметь*, спрягаемыми формами глагола, оборотами с частицей *да*, безличными глаголами с перформативным значением. Использование языковых средств связано с тематикой предписания, степенью конкретности описываемых действий, категоричностью запрета, тяжестью проступка, за который полагалось наказание. Форма выражения императивности могла маркировать социально ослабленную позицию адресата. Все эти факты свидетельствуют о поисках авторами документа таких языковых форм выражения императивности, которые были бы понятны адресату и соответствовали выполнению новых коммуникативно-прагматических задач.

Ключевые слова: история русского языка XVIII века, Петровская эпоха, «Устав Морской», императивность, формирование жанров деловой речи

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00338).

Для цитирования: Пушкарева Н. В. Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657

ВВЕДЕНИЕ

Новые сферы деятельности Российского государства Петровской эпохи требовали регламентации, вследствие чего расширялся репертуар государственных документов. Появление уставов, регулирующих организованные по европейским образцам армию и флот, отражает общую тенденцию, отвечающую стремлению Петра I «усовершенствовать речевой этикет в соответствии с изменениями культуры и быта и приблизить речевой ритуал к практике европейской речевой коммуникации» [10: 38].

Создаваемый Петром I флот сталкивался с двумя проблемами: нехваткой подготовленных кадров и отсутствием кодекса, определяющего задачи флота и порядок подчинения морского персонала, а также перечисляющего проступки

и наказания за них. Сложности создавало и соединение в морских экипажах русских моряков и большого количества иностранных офицеров: поощряя и наказывая моряков, командиры применяли законы и правила своей страны, поскольку русских документов, регулирующих жизнь флота, не было.

Написанию «Устава Морского» (далее УМ) предшествовало изучение европейских образцов: английского, датского, голландского, шведского и французского [12: 331], однако комиссия, составлявшая устав под контролем Петра I, ориентировалась на российскую реальность. Первая редакция устава появилась в 1720 году, второе издание с уточненным списком наказаний вышло в 1722 году. В таком виде, «с неизбежными отступлениями и смягчениями, требуемы

ми временем»¹, УМ применялся до 1797 года, до замены его «Уставом военного флота» Павла I. Именно в УМ получила окончательное оформление терминосистема военно-морской лексики [1: 21].

Примечательно, что наряду с конкретными указаниями в УМ включены морально-этические установки, касающиеся взаимоотношений внутри экипажа или предостерегающие офицеров от самоуправства:

«Офицеры, и прочие, которые в ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без разности, какой они веры или народа ни будут» (33)²; *«ни кто из офицеров да не дерзает обретающимся под своею командою рядовым без заслуженной вины, какое наказание чинить, ниже за вину через меру»* (118).

Присутствие в артикулах УМ высказываний дидактического характера иллюстрирует одно важное направление петровских военных реформ, отмечаемое в исторических исследованиях: «воспитание и обучение военнослужащих в духе “регуляторства”» [3]. Целью данной статьи является демонстрация на примере УМ оформления в русском языке XVIII века канонов современного официально-делового стиля в документах, ориентированных на социальные или профессиональные группы.

ТЕКСТ «УСТАВА МОРСКОГО» КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП К СТАНДАРТИЗИРОВАННЫМ ДЕЛОВЫМ ДОКУМЕНТАМ

С pragматической точки зрения исследуемый текст должен относиться к официально-деловому функциональному стилю, к юрисдикционному подстилю, который «обеспечивает координацию деятельности людей в сфере применения законов»³. Документы подобного типа должны способствовать регламентации определенной сферы деятельности и предписывать поведение моряков в конкретных ситуациях. В современном официально-деловом стиле регламентирующие и директивные документы относят к «дискурсу исполнительной власти», то есть к разновидности языка, используемой «в коммуникативно-когнитивной деятельности должностных лиц исполнительной власти при осуществлении ее функций» [14: 139]. Семантически регламентирующий подтип отличается от директивного «расширенным спектром оттенков волеизъявления» и «меньшей степенью категоричности предписания» [15: 128]. Актуализации этих особенностей способствуют единицы, передающие модальные оттенки, в частности, работает семантический потенциал глагольных

форм. Прагматика устава, состоящая в определении единственно приемлемого способа поведения, реализовывается в императивности, при выражении которой побуждение к действию излагается четко и безлично.

Однако жанрово-стилистические особенности документа, написанного в начале XVIII века, еще далеки от такой определенности. Прежде всего УМ никак нельзя отнести к дискурсу исполнительной власти – здесь дискурс производится абсолютным монархом, в котором персонифицируется государство. Тем не менее личностные приоритеты уходят в тень, уступая место целесообразным и рациональным требованиям и установкам.

Документ начинается с извещения о появлении Устава Морского, затем следует написанное Петром I при участии Феофана Прокоповича «Предисловие к доброхотному читателю» (11), рассказывающее «об истории военно-морского дела в России, с основания государства и до разорения в 1719 г. берегов Швеции галерным флотом»⁴. Авторы этой части устава скрыты за местоимением *мы*, однако возможна и другая трактовка: за местоимением *мы* скрывается формула *мы Петр Первый. Царь и самодержец всероссийский*. В таком случае текст оказывается не просто авторским – он получает более высокий статус, чем простое повествование, поскольку выражение воли императора в государстве XVIII века воплощалось в закон [8: 637].

Предисловие лексически неоднородно, оно содержит обороты книжного стиля: *«милостивый Господь сердца Царская держацій в руце своей»* (4); заимствования, в основном, связанные с морской темой: *навигация, яхта, галиот* (6), и их толкования: *«называет оные суда моноксили по гречески, то есть единодеревныя»* (2), имена иностранцев: *Иван Термунт, Карштен Брант* (6). Многочисленные обращения к читателю выражены звательной формой с различными определениями: *любезнейший читателю, читателю доброжелательный, читателю доброхотный*. Читателя втягивают в диалог, вовлекая адресата в идеологическую сферу адресанта, в данном случае верховной власти.

Текст Предисловия не свободен от оценочности и эмоциональности, а также от демонстрации авторской позиции. Так, отсутствие информации о древних русских мореплавателях объясняется следующим образом: *«...чуждые историки о народе нашем не с прилежным любопытством писали; а у нас тогда не только историков, но и писмен не было»* (2). Присутствует и прямая этическая оценка, выраженная во вставной

конструкции «стыдно вспоминать»; она характеризует раздоры, помешавшие организовать сопротивление нашествию татар (4). Завершается Предисловие побуждением к чтению устава: «...иди уже любезнейший читателю во внутрення, видети Регламент флота российскаго. В преддверии видел еси тело, а внутри узриши душу его» (11).

Предисловие можно назвать идеологической базой документа. Эта часть УМ не просто содержит сведения о флоте как новом явлении, но связывает исторические факты с реальностью России XVIII века. Идеологическая и дидактическая составляющие Предисловия способствуют расширению кругозора читателя и внушают ему верные, по мнению автора, представления и оценки.

Основной текст УМ выдержан в ином тоне. С одной стороны, он написан с учетом аналогичных европейских образцов, следовательно, выстраивался по имеющимся шаблонам; с другой стороны, этот текст являлся воплощением волеизъявления автора (в данном случае Петра I) и отражал его видение задач флота и требований к морскому персоналу. Таким образом, вырисовывается особый статус автора законодательных документов XVIII века: это облеченный абсолютной властью персона, поскольку «закон является выражением воли главы государства – императора, выступающего в качестве основного субъекта государственного правотворчества» [8: 637], но эта персона создает документ, направленный на регулирование деятельности флота в рамках европейского права и в условиях российской реальности.

Устав был рассчитан на восприятие со слуха, в Петровскую эпоху сложился обычай читать его команде «по воскресеньям и праздничным дням, а также по окончании церковной службы и церемонии поздравления экипажей командиром или адмиралом» [5]. Синтаксическое построение УМ соответствует такой форме ознакомления с текстом, предложения в нем практически не содержат причастных и деепричастных оборотов, в них немного осложняющих структуру элементов. Исключение составляют инфинитивные цепочки или независимые инфинитивы, синтаксические функции которых не всегда легко определить. Лексический состав текста приближен к разговорному стилю с вкраплениями специальной (морской) лексики.

Предположим, что уставы начала XVIII века должны содержать черты и регламентирующего, и директивного документов, то есть демонстри-

ровать переходное состояние от комплексного применения властных императивов, исходящих от разных ветвей власти, к разделению императивных высказываний по адресанту. Подобное гибридное построение отражает процесс складывания государственного механизма, замещающего при продуцировании законодательных документов абсолютного монарха как правообразующего субъекта.

ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЧЕРТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ В «УСТАВЕ МОРСКОМ»

Во всех случаях при реализации различных ипостасей или социальных ролей автора ведущим компонентом, организующим и регулирующим систему описываемых в УМ стандартов и приоритетов, становится императивность, то есть модально-бытийная понятийная категория субъективной модальности⁵. По словам А. В. Бондарко, эта категория актуализируется в императивной ситуации (ИС), которую формируют «1) субъект волеизъявления (С₁), 2) субъект-исполнитель (С₂), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от (С₁) и обращенного к (С₂)» [2: 80]. Волеизъявление субъекта, направленное на субъекта-исполнителя, нацелено на преобразование реальности и составляет цель императивной ситуации. Императивность получает языковое выражение в особых морфологических и синтаксических формах и в формах, имеющих другое основное значение, которые в особых условиях проявляют императивные характеристики [2: 87].

Одной из черт рассматриваемого документа является нечеткая квалификация субъекта волеизъявления, поскольку в его роли выступают две сущности: император, то есть абсолютная власть, и лишенная персонификации государственная машина нового для России XVIII века типа. В связи с этим формы выражения и интенсивность императивности могут меняться под влиянием внеязыковых факторов. Субъектом-исполнителем императивных высказываний являются все военные моряки, они же оказываются объектами воспитательного и регулирующего воздействия устава.

Языковые единицы, выражающие императивность в тексте устава, не просто передают побуждения, но и разную степень значимости формулируемых требований и их последствий. Например, оборот с *да (не)будет* появляется при описании серьезных проступков, за которые жестоко карают. К таким высказываниям относится, например, предостережение офицерам, приставленным к денежным средствам:

«Комисар **да не дерзает** отнюдь ни у кого жалованья, провианту, платье и прочее, что оним даетя, как учреждено, **удержать** и оных в том **обижать**, под штрафом ссылки на галеру, или лишения живота, по силе вины» (132).

Императивные высказывания присутствуют как в тексте артикулов УМ, так и в их заголовках и формируются конструкциями «модальный оператор + инфинитив» (модальные операторы **должен**, **обязан**, **надлежит**, **повинен**, **подобает**), «иметь + инфинитив», «иметь + причастие + быть», одиночными инфинитивами, личными формами глаголов; оборотами «Да (не)будет / будут»; некоторыми другими способами. Процентное соотношение указанных языковых средств определить трудно, поскольку при подсчете конструкций порой невозможно точно установить, является ли инфинитив одним из однородных членов, связанных с модальным оператором, или выступает как независимый, формируя неполное или инфинитивное предложение. Например:

«Ему **надлежит** к подчиненным **быть** яко отцу, **пещися** о их довольстве, жалобы их слушать и во оных правой суд **иметь**. Такъ же дела их на крепко **смотреть**, добрыя **похвалять** и награждать, а за злые **наказывать**» (2).

Однако можно уверенно говорить о преобладании конструкций с инфинитивом и употребляемых отдельно инфинитивов, формирующих инфинитивные предложения, находящихся в составе неполных предложений или встроенных в цепочки однородных членов. Это представляется оправданным: как пишет С. Г. Ильенко,

«модальные потенции инфинитивного предложения столь значительны, что их реализация <...> дает дополнительные коммуникативные и прагматические эффекты» [6: 107].

3. К. Тарланов дополняет эту мысль:

«Семантика инфинитивных предложений не существует вне модальных отношений долженствования, необходимости, неизбежности, возможности, невозможности, желательности, сожаления и т. д.» [11: 258].

Модальный потенциал инфинитива становится в УМ ведущим средством воздействия на субъекта-исполнителя. Инфинитивные единицы применяются в тексте артикулов при назывании предписываемых действий:

«Комиссару как в деньгах, мундире, так и в раздаче пищи, убавки ни какой **не чинить**, но все **раздавать** исправно, по определению и **смотреть** в том крепко» (83);

они используются и в заголовках с дублированием в последующем тексте. Так, в заголовке

артикула 6 «о штурмане и подштурмане» сказано: «**Поверять** компас» (83). В тексте артикула инфинитив появляется уже с модальным оператором и пояснением: «**Должен поверять** компас, прав ли оной?» (83). Такое дублетное использование инфинитива – характерная черта документа.

Можно предположить, что при чтении устава инфинитивы, как элемент разговорной речи, лучше воспринимались и связывались с коммуникативной ситуацией, чем конструкции книжной речи. Кроме того, использование инфинитивных единиц типа **проверять**, **стрелять**, **салютовать** применялось с целью обучения матросов системе команд, то есть являлось частью подготовки персонала. Это оправдано нацеленностью устава на формирование у моряков представления об их месте в иерархической структуре флота и умения ориентироваться в системе типовых команд, соответствующих определенным ситуациям. Семантическая емкость инфинитива и его способность передавать императивность [13: 82] позволяла достичь максимально точного понимания команд теми, кому они адресованы. Кроме того, в конструкциях с независимым инфинитивом четко разделены субъект волеизъявления и субъект исполнения – последний находится в позиции дополнения, что подчеркивает иерархическую зависимость исполнителя.

Конструкции, состоящие из формы глагола **иметь** (в наст. и прош. времени) и инфинитива, употреблялись в XVIII веке для образования будущего или прошедшего времени (с оттенком модальности)⁶. В материале эти конструкции встречаются в описаниях необходимых поступков, например действия морского офицера на берегу во время десанта: «**всякой имеет** свою **должность исправлять**, по уставам писанным для сухопутной армии» (137), а также в запретах: «**имеет** подчиненный, от всякого непристойного разсуждения об указах, которые ему от его начальника даны, весьма **воздержаться**» (117). В обоих случаях предписывающий характер и категорическая тональность высказываний субъекта волеизъявления прогнозируют и регламентируют будущее поведение субъекта-исполнителя.

Конструкция **иметь** + причастие + быть служит для описания наказаний: «**имеет** преступитель, ежели офицер, вычетом жалованья, по важности преступления **наказан быть**, а рядовой кошками жестоко **бит быть**» (92). Перифектная причастная форма называет состояние, которое неизбежно станет результатом преступка. Примечательно, что в описание вводится но-

вая лексема: «*А ежели то повторит <...> в треты аркибузиран [разстрелян] быть имеет*» (92), хотя встречается и использование более традиционного, но менее конкретного оборота «*лишен живота будет*» (116). Употребление синонимов в одном обороте отражает поиски новой нормы в тот период, когда «равноценность вариантов еще не давала предпочтения ни одному из них» [4: 148].

Особым способом выражения модального значения предписания в УМ является использование личных форм глагола в тех же позициях, в которых другие формы передают директивные или регулятивные сообщения. Такая картина наблюдается в разделах, посвященных обязанностям и ответственности офицерского и унтер-офицерского состава. Например: «*лейтенант третий командир на корабле, и чинит все по приказу капитанскому*» (63). Далее при перечислении обязанностей лейтенанта наряду с модальными операторами, сопровождаемыми инфинитивами, используются личные формы. Часто личная форма в заголовке дополняется сочетанием модального оператора и инфинитива в артикуле. Заголовок: 3. «*имеет* роспись рядовым его вахты; текст артикула: *он должен учинить* роспись всем матросам и пушкарям, которые повинны быть с ним в вахте» (64); заголовок: 6. «*надсматривает* о выливании воды из корабля; текст артикула: *должен послать* квартирмейстера к помпе <...> *велеть* выливать» (64). Личными глагольными формами излагаются обязанности офицера, а инфинитивом в сочетании с модальным оператором передается приказание их исполнять. Таким же образом изложены обязанности корабельного секретаря, который «*посыпает* ведомости командиру порта о взятом корабле» (68), офицера артиллерии: «*принимает* все артиллериские вещи на корабль и *рапортует* капитана и секретаря а по возвращении в порт *отдает* все остаточное в магазин» (70) и некоторых других. При этом действия офицеров описаны с указанием всех обязательных для их выполнения обстоятельств. Вероятно, здесь отражается выстраивание нового жанра, близкого к должностной инструкции, для которого составители УМ ищут адекватные языковые средства.

Использование личной формы глагола конкретизирует действия и снимает вопросы о границах ответственности должностного лица. Строго говоря, личные формы глаголов не формируют в этих описаниях императивного значения, однако встраивание их в стандартизиро-

ванное описание функциональных обязанностей и соответствующих им ограничений включает перечисляемые действия в список обязательных к исполнению, то есть приближает рассматриваемые формулировки к высказываниям с модальным оттенком необходимости, возникающим в контексте.

Отдельно следует упомянуть использование в тексте безличных перформативных глаголов. Так, безличный перформативный глагол передает повеление, адресованное находящемуся в подчинительной роли субъекту-исполнителю:

«*Повелевается лейтенанту, дабы свою вахту тщательно отправлял, как днем, так и нощю, во всех делах и случаях, под жестоким штрафом, или лишением живота, по важности дела*» (66).

Перечисление наказаний и критерий их применения добавляют в высказывание регламентирующий смысл.

Также перформативные высказывания субъекта волеизъявления передают жесткий запрет, например в описании правил поведения на корабле:

«*запрещается* играть в карты в кости и в прочие игры на деньги» (95); «*запрещается* ни куды огня не носить в корабле без приказу караульных офицеров» (97); «*запрещается* офицерам и рядовым привозить на корабль женской пол» (100).

Императивные формы с да (не), также выражающие запрет, последовательно возникают в тех артикулах, где речь идет о морально-этических ценностях, об отношении к религии, государеву делу и кодексу поведения на флоте:

«*Пресвятое имя Божие да не осприемлется* все, в клятве, божбе и лже» (92); «*Ни кто да не дерзает* во время службы Божия каких банкетов, или игры чинить» (95); «*Ни кто да не дерзает* на берег, или на другой корабль *съезжать* без отпуска командирского» (99).

Прослеживается связь книжной формулы со значимостью темы: чем тяжелее проступок, тем вероятнее появление этой конструкции при назывании кары. Возможно, здесь наблюдается следование традиции, к которой были привычны субъекты – исполнители приказов. Две запретительные конструкции создают своеобразную градацию проступков: более серьезные запрещаются книжным образом, более легкие – перформативом. Разные способы выражения модальности запрета «различаются по формулируемой ими тональности» [7: 193], то есть меняется «эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели»⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмеченные различия жанрово-стилистических и прагматических характеристик двух частей устава определяются как их различными целями, так и различной практической значимостью. Предисловие ориентировано на абстрактного читателя, в то время как устав рассчитан на группу людей, занятых новой для России XVIII века деятельностью в меняющейся исторической, культурной и идеологической обстановке.

Интенсивность выражения императивности во всех частях устава отражает уровень и порядок подчиненности нижестоящих вышестоящим. На языковом уровне это выражается в большей насыщенности инфинитивными оборотами тех разделов, которые адресованы нижним чинам, а также в использовании личных форм глагола при описании действий людей, исполняющих не существовавшие раньше в российском обиходе обязанности и находящихся при этом в социально ослабленном положении.

Жестко оговариваемая в УМ сфера его действия, ограничивающая произвол отдельных морских офицеров, но нивелируемая в личном присутствии царя, свидетельствует, с одной стороны, о начале, но далеком от завершенности процессе трансформации личной власти монарха в стандартизованные механизмы управления государством, отразившемся в «усилении координирующей функции государственной коммуникации» [9: 45], с другой стороны, о со-

хранявшемся приоритете абсолютной власти. В связи с этим вопрос об адресанте УМ остается открытым: с одной стороны, это государство, требующее от моряков определенного поведения, с другой стороны, император, чье присутствие порой проявляется в тексте в виде назиданий и оценок.

Применение в одном ряду более архаичных и более новых конструкций в тематически однородных артикулах свидетельствует о выработке новой нормы в новых коммуникативных условиях, важным компонентом которых является адресат – обучаемые регламентированному поведению моряки. Во всем тексте наблюдается попытка (во многих случаях успешная) определить место этого адресата во флотской иерархии и подчеркнуть его ослабленную социальную роль.

Вряд ли можно назвать УМ образцом официально-делового стиля в современном понимании. Это новый по форме и содержанию документ, отражающий процесс формирования новой нормы, определяемой прагматической целью. Соединение в нем языковых черт регламентирующего и директивного документов отражает языковую ситуацию Петровской эпохи, когда на первый план вышла задача создания и упорядочения корпуса разнообразных текстов, обслуживающих законодательную и административную сферы государства нового типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Веселаго Ф. Ф. Очерк истории русского флота. СПб.: Тип. Демакова, 1875. С. 546.

² Книга УСТАВ МОРСКОЙ. О всем, что касается к добруму управлению в бытности флота на море. Напечатался повелением ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА в Санктпитеурбургской типографии лета Господня 1720. Апреля в 13 день. 432 с. Здесь и далее при цитировании из источника в круглых скобках указывается номер страницы.

³ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под. ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/articles/66/oficialno-delovoij-stil.htm> (дата обращения 15.02.2021).

⁴ Веселаго Ф. Ф. Указ. соч. С. 544.

⁵ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 385.

⁶ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. С. 84.

⁷ Матвеева Т. В. Тональность текста // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник / Под. ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 692 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24496023&pff=1> (дата обращения 15.02.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин М. О. Юридический язык Морского устава 1720 г. // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 6–23.
2. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 80–89.

3. Гаврищук В. В. Военные преобразования Петра I в отечественной историографии // Военный академический журнал. 2017. № 2 (14). С. 21–31 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B3LVagqq78A5QmRXY3FRdjJZOFk/view> (дата обращения 15.02.2021).
4. Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 318 с.
5. Дыгало В. А. Три века на службе Отечеству. М.: Издательский дом «Вече», 2007. 365 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://flot.com/publications/books/shelf/russianfleet/13.htm> (дата обращения 15.02.2021).
6. Ильенко С. Г. Русские односоставные глагольные предложения в антропоцентрическом аспекте // Тенденции развития русского языка: Сб. статей к 70-летию Г. Н. Акимовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 102–111.
7. Орлова Н. В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 188–193.
8. Ромашов Р. А. Юридические формы и технологии законотворчества в условиях государственного абсолютизма (на примере России XVIII века) // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 631–637.
9. Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
10. Судаков Г. В. Как начиналась языковая реформа Петра I // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.497
11. Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 480 с.
12. Хуссен А. Х. Устав Морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб.: Русско-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. С. 326–340.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001. 624 с.
14. Ширинкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 2 (163). С. 134–146.
15. Ширинкина М. А. Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 120–130.

Поступила в редакцию 24.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Natalia V. Pushkareva, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-7918-5420; pushkarevanata@gmail.com

SPECIFIC FEATURES OF IMPERATIVENESS IN THE TEXT OF THE 1720 NAVAL CHARTER

A b s t r a c t. The article examines linguistic means for expressing imperativeness in regulatory documents using the material of a text that was new for the Peter the Great's era. The author identifies the peculiarities of the imperative situation in which the Naval Charter was applied, and determines its addresser and addressees taking into account Russia's eighteenth-century historical reality. The addressees of the text were all maritime personnel, while the addresser cannot be clearly identified, since this role was played by both the Russian state built on the European model and the absolute monarch Peter the Great. Therefore, special pragmatic goals of the document are revealed as follows: regulating the actions of the addressees and training them according to the regulations provided in the Charter. The range of linguistic units that convey prescriptions and prohibitions in the studied text includes multi-style units. Imperativeness is expressed through infinitive forms, the future tense form with an auxiliary verb *to have*, conjugated verb forms, phrases with the particle *да*, and impersonal verbs with performative meaning. The use of linguistic means is associated with the subject of the prescription, the degree of specificity of the actions described, the extent of prohibition, and the severity of the offense for which the punishment was imposed. The form of expressing imperativeness could mark the socially weakened position of the addressee. All these facts suggest that the authors of the document searched for such linguistic forms of expressing imperativeness that would be understandable to the addressee and would correspond to new communicative and pragmatic tasks.

K e y w o r d s : history of the eighteenth-century Russian language, Peter the Great's era, Naval Charter, imperativeness, formation of formal genres

A c k n o w l e d g e m e n t s . The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project 20-012-00338).

F o r c i t a t i o n : Pushkareva, N. V. Specific features of imperativeness in the text of the 1720 Naval Charter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657

REFERENCES

1. Akishin, M. O. Legal language of the Maritime Charter of 1720. *Leningrad Legal Journal*. 2020;3(61):6–23. (In Russ.)
2. Bondarko, A. V. The analysis of categorical situations in the field of modality: imperative situations. *The theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 80–89. (In Russ.)
3. Gavrilchuk, V. V. Military transformations of Peter the Great in the domestic historiography. *Military Academic Journal*. 2017;2(14):21–31. Available at: <https://drive.google.com/file/d/0B3LVagqq78A5QmRXY3FRdjJZOFk/view> (accessed 15.02.2021). (In Russ.)
4. Demidov, D. G., Kalinovskaya, V. N., Kolesov, V. V., Cherepanova, O. A. Language and mentality in Russian society of the XVIII century. (V. V. Kolesov, Ed.). St. Petersburg, 2013. 318 p. (In Russ.)
5. D'yalo, V. A. Three centuries of serving the Fatherland. Moscow, 2007. 365 p. Available at: <https://flot.com/publications/books/shelf/russianfleet/13.htm> (accessed 15.02.2021). (In Russ.)
6. Il'enko, S. G. Russian one-part verb sentences from anthropocentric perspective. *Trends in the development of the Russian language: Collection of articles commemorating the 70th anniversary of G. N. Akimova*. St. Petersburg, 2001. P. 102–111. (In Russ.)
7. Orlova, N. V. Modality and tonality of contemporary documents with prescriptive function. *Herald of Omsk University*. 2014;4:188–193. (In Russ.)
8. Romanov, R. A. Legal forms and lawmaking technologies under state absolutism (the case of eighteenth-century Russia). *Juridical Techniques*. 2015;9:631–637. (In Russ.)
9. Sadova, T. S., Rudnev, D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350 (In Russ.)
10. Sudakov, G. V. The beginning of Peter the Great's language reform. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(5):38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.497 (In Russ.)
11. Tarlanov, Z. K. University course on Russian syntax in scientific and historical coverage. Petrozavodsk, 2007. 480 p. (In Russ.)
12. Hussen, A. H. The Naval Charter of Peter the Great (1720). *Russian North and Northern Europe*. St. Petersburg, 1999. P. 326–340. (In Russ.)
13. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.)
14. Shirinkina, M. A. Executive documents in the functional styles system of the Russian language. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2017;19;2(163):134–146. (In Russ.)
15. Shirinkina, M. A. Regulatory documents of the executive power in the aspect of tonality (compared to directory ones). *Political Linguistics*. 2018;1(67):120–130. (In Russ.)

Received: 24 February, 2021; accepted: 28 June, 2021